
КОНЦЕПЦИИ ИСТОРИИ

Н. И. ГУБАНОВ, Н. Н. ГУБАНОВ

МЕНТАЛИТЕТ В СИСТЕМЕ ДВИЖУЩИХ СИЛ СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Обоснована необходимость использования в социологии истории понятия менталитета, показаны его дополнительные эвристические возможности по сравнению с традиционными категориями, касающимися духовной жизни, а также особенности изучения менталитета в сравнении с изучением общественного сознания.

Ключевые слова: менталитет, функции, противоречие, культура, самодетерминация.

В последнее время ряд исследователей развивают полидетерминистические представления о функционировании и развитии социума. Предполагается, что данная идея может быть плодотворной с принятием следующих установок: «а) сама многофакторность понимается системным образом и б) вес различных факторов в целом неодинаков» (Лебедев, Лазарев 2005: 98). На наш взгляд, хотя развитие социума действительно детерминируется многими факторами, главный из них – изменения в менталитете индивидов и социальных групп. Акцент на духовно-психологических детерминантах развития общества мы называем *социокультурной гипотезой*.

Категория менталитета (ментальности) в отечественном общественном сознании советского периода не использовалась. Познавательный характер и регулирующие функции духовного мира индивидуального и коллективного субъекта описывались с помощью категорий индивидуального, группового, общественного, массового сознания, идеального, субъективной реальности, общественной психологии, общественного настроения, идеологии или мировоззрения. Между тем категория менталитета обладает дополнительными эвристическими возможностями. Она, во-первых, служит

интегральной характеристикой *уникальности* духовного мира субъекта, во-вторых, способствует пониманию *специфического типа* восприятия мира субъектом и, в-третьих, объясняет *особый способ* его поведения и деятельности.

Некоторые авторы выделяют менталистику как направление историко-психологической науки (Акопов и др. 2006; Юревич 2013). Менталитет рассматривается как система качественных и количественных социально-психологических особенностей человека или социальной общности, сформировавшаяся на основе генотипа под влиянием природной и социальной среды и в результате собственного духовного творчества. Она детерминирует специфический характер восприятия мира, эмоционального реагирования, речи, поведения, деятельности, самоидентификации субъекта, обеспечивает единство и преемственность существования социальной общности, а также стимулирует культурные новации (Губанов Н. И., Губанов Н. Н. 2010). Идентификация менталитета – это *процедура спецификации, выделение особенного из единичного*, т. е. из духовного мира субъекта и его личностных качеств. В содержании менталитета можно выделить три компонента.

1. Уникальные признаки (чувства, установки, идеи, стереотипы, ценностные ориентации, черты характера, способности и др.), которые есть у данного субъекта и отсутствуют у других. В качестве примера такой ментальной особенности А. В. Петровский и М. Г. Ярошевский (1998: 195) приводят традицию вендетты у средиземноморских народов.

2. Своеобразное сочетание признаков, которое присуще только данному индивидуальному или коллективному субъекту. Имеется в виду, что эти признаки по отдельности или в иных сочетаниях могут быть присущи и другим субъектам, но данная их комбинация характерна лишь для этого субъекта. Понятие менталитета соответствует общепсихологической категории особенного, которая показывает, чем одно единичное отличается от других единичных. Отдельный признак, свойственный многим субъектам, характеризует не менталитет, а сознание или коллективное бессознательное. Так, профессиональный менталитет ученого включает следующее сочетание качеств: интеллектуальную честность, развитое воображение и готовность к самокритике, независимость, широкий кругозор, смелость в отстаивании истины, целеустремленность, настойчи-

вость, веру в себя и в возможности науки, стремление улучшить жизнь людей, высокий *IQ*.

3. Количественная выраженность признака, которая специфична для данного субъекта. Так, средний показатель *IQ* у докторов наук составляет примерно 130, у студентов университетов – 120, у юристов и банкиров – 128, у авиамехаников, электриков, токарей – 109, у маляров и водителей – 96–98, у пастухов – 88 (Айзенк, Эванс 1997). Приведенные показатели служат одной из характеристик профессиональных менталитетов.

Исследование менталитета предполагает два этапа: во-первых, идентификацию социально-психологических признаков у разных субъектов и степени выраженности этих признаков; во-вторых, сравнение социально-психологических признаков различных субъектов и выявление на основе этого особенностей каждого из них. Если признаки выделяются, но процедура сравнения не производится, то это есть изучение сознания, бессознательного, психики, но не менталитета. При изучении менталитета применяются те же методы, что и при исследовании сознания и бессознательного. Только изучение менталитета дополняется сравнением результатов, полученных этими методами (Губанов Н. И., Губанов Н. Н. 2010).

Духовный мир человека регулирует активность (общение, поведение, деятельность) субъекта в целом, а менталитет в составе духовного мира детерминирует ее специфический характер и направленность. Например, категория менталитета позволяет дифференцировать ответы на вопросы: «Почему человек работает?» и «Почему он работает по *данной* специальности?»; «Почему люди участвуют в политическом движении?» и «Почему они участвуют в *этом* движении, а в *других* не участвуют?»; «Почему человек разделяет религиозные взгляды?» и «Почему он придерживается *именно этой* конфессии?»; «Почему молодой человек увлекается музыкой?» и «Почему он любит *именно этих* композиторов?» и т. п.

Таким образом, *потребность в категории менталитета возникает тогда, когда необходимо дифференцированно характеризовать виды человеческой активности*. Это открывает дополнительные возможности по сравнению с традиционными категориями, способствуя более конкретному и многостороннему описанию

человеческой активности, а в последующем и более глубокому и полному ее объяснению. Применительно к взаимодействию социальных групп и цивилизаций понятие менталитета позволяет исследовать вопрос о том, почему в одних случаях такое взаимодействие плодотворно для взаимодействующих сторон, а в других из-за деструктивных ментальных различий социумов имеет негативные последствия.

Категория менталитета позволяет также объяснять, почему одни идеи легко принимаются данным социумом, а другие – нет. Например, В. В. Лапаева (2010) показала, что правовые идеи, отдающие приоритет индивидуальной свободе и правам человека, плохо принимаются в нашей стране из-за некоторых особенностей российского менталитета. Концепт глобалистского менталитета оказался плодотворным в разработке вопроса об условиях предотвращения межцивилизационных конфликтов и преодоления антропогенных кризисов (Губанов 2011).

Категория менталитета продуктивна при решении вопроса о содержании в ходе истории сильных и слабых ментальных ответов на вызовы. По аналогии с известным понятием «вызов Посейдона» (А. Тойнби) один из авторов этой статьи ввел социально-психологический концепт «вызов Аполлона» (Губанов 2014а; 2014б) – необходимость обеспечить социально-психологические условия для роста рационального знания, служащего обязательным условием дальнейшего развития образования и социума в целом. Сильный ментальный ответ на «вызов Аполлона» означает инновационную деятельность в разных сферах социума. Слабый ответ, вроде закрытия Юстинианом философских школ в Афинах, приводил к стагнации.

В развитии общества периодически возникают антропогенные кризисы, обуславливающие вызовы истории. Механизм таких кризисов описывается моделью техно-гуманитарного баланса: чем выше мощь производственных и боевых технологий, тем более совершенные культурно-психологические регуляторы необходимы для сохранения общества (Назаретян 2012; 2014а). Категория менталитета дает возможность обнаружить, в чем конкретно заключается суть сильных ответов общества на вызовы истории, позволяющие ему успешно разрешать антропогенные кризисы и тем самым сохраняться (Губанов Н. И., Губанов Н. Н. 2013). Актуаль-

ность здесь обусловлена еще и тем, что в ходе эволюции «неуклонно возрастала роль субъективной реальности (“ментальных факторов”) в причинно-следственных связях материального мира» (Назаретян 2014а: 207).

Поскольку внешними формами проявления личностных качеств, сознания и в целом психики человека служат его речь, поведение и деятельность с ее предметными результатами, то изучение менталитета требует установления соответствующих вербальных, поведенческих, деятельностных и предметных индикаторов, посредством которых должен идентифицироваться тот или иной менталитет. Эти индикаторы должны быть доступны для наблюдения и (желательно) измерения. *Результаты деятельности служат формами объективации менталитета.* Все материальные предметы и произведения духовной культуры, доступные изучению при помощи социологических, социально-психологических, психолингвистических и т. д. методик, могут составить необходимый материал. Но идентификация того или иного менталитета и верификация его содержания требуют дополнительных процедур кросс-культурного сопоставления.

До недавнего времени в вопросе о движущих силах развития общества наиболее известными были три концепции – экономической, культурной и технологической детерминации.

Согласно первой, движущей силой развития общества служит противоречие между производительными силами и производственными отношениями: растущие «производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями» (Маркс 1959: 7). Это противоречие разрешается изменением производственных отношений, которое, в свою очередь, приводит к изменению политической, юридической и других сфер общественного сознания.

Одним из ярких провозвестников второй концепции стал М. Вебер (1990). Он пытался объяснить экономическую жизнь капиталистического общества, исходя из базисных ценностей, которые постепенно формировались начиная с эпохи Ренессанса и Реформации. Вебер полагал, что возникновение капитализма имело духовные истоки, среди которых важнейшая роль принадлежала протестантской этике, объявившей труд и честное накопление богатства богоугодным делом. Согласно Веберу, существует опреде-

ленная взаимосвязь между господствующей в обществе религиозной моралью и экономической деятельностью, разные типы религиозной веры различным образом мотивируют людей к трудовой деятельности.

А. С. Ахиезер, приверженец концепции культурного детерминизма, считал движущей силой развития общества внутреннее противоречие воспроизводственной деятельности общественного субъекта – между потребностями, ценностями и возможностями субъекта, с одной стороны, и воспроизводимым объектом – с другой. Конкретной формой выступает противоречие между культурой и социальными отношениями, понимаемыми в широком смысле (экономическими, политическими, нравственными, этническими, профессиональными, возрастными и др.). Это положение Ахиезера (1998) будет использовано нами при анализе социокультурной динамики – взаимосвязанного развития культуры и социальных отношений.

Отметим, что концепции экономического и культурного детерминизма вначале рассматривались как взаимоисключающие. Согласно первой, выражающей традиционный марксистский подход, тот или иной способ материального производства – это главное, что определяет и социальную структуру, и политику, и духовную жизнь общества. Согласно второй, тот или иной способ экономической жизни воспроизводится и укореняется в зависимости от базисных ценностей культуры. В последующем стало ясно, что концепции дополняют друг друга, поскольку в обществе как целостной развивающейся системе культурные коды становятся программами воспроизводственной деятельности, а последняя создает материальные условия для жизни людей и культурного творчества.

Ведущей стороной этого взаимодействия служат изменения в культуре, связанные с функционированием менталитета индивидумов и социальных групп. Как в ходе биологической эволюции единственным источником сохраняемых естественным отбором новых форм биологической организации служат генетические мутации, так при развитии общества единственным источником новизны и в технологической, и в духовной сферах остаются *интеллектуальные новации* – результат творчества субъекта, направляемого его менталитетом. Изменения менталитета, происходящие в силу его самодетерминации, служат глубинной движущей силой развития социума.

Менталитет стимулирует развитие общества двумя способами – опосредованно и непосредственно. Осуществляя технические изобретения и вводя организационно-технологические новшества, он развивает материальное производство, которое, в свою очередь, влияет на все другие сферы социума; влияние материального производства на остальной социум было хорошо показано Марксом. Посредством духовного творчества менталитет вызывает изменения правовых, политических, нравственных отношений, обуславливает развитие искусства, педагогики, спорта, досуга и быта людей.

Ни орудия труда, ни финансы, ни природные богатства, ни другие *вещественные* элементы производительных сил не осуществляют творчества и не создают необходимой для прогресса конструктивной напряженности в системе «производительные силы – производственные отношения». Например, «технологические открытия, а именно переход к железу, в котором часто видят причину глобальных цивилизационных изменений... являются следствием фундаментальных изменений ментальности» (Пелипенко, Яковенко 1998: 307). Роль профессионального менталитета в развитии экономики показывает тот факт, что «новые знания, воплощенные в технологиях, оборудовании и организации производства, в промышленно развитых странах обеспечивают свыше 75 процентов прироста валового внутреннего продукта» (Степашин 2005: 117).

К. Маркс и Ф. Энгельс, описав противоречивое взаимовлияние производительных сил и производственных отношений, оставили за скобками творческую способность людей в историческом процессе. Хотя они декларативно признавали, что история совершается действиями конкретных лиц, но не учитывали следующего обстоятельства: все, что влияет на активность человека как творца истории, представлено в менталитете – «социально-психологическом паспорте» субъекта. Менталитет, обладая в силу самодетерминации определенной самостоятельностью в отношении всех воздействующих на него внешних факторов, направляет творческую активность субъекта.

Третья из обозначенных выше концепций – технологический детерминизм – с конца 1950-х годов приняла форму моделей постиндустриального, или информационного, общества. Главным фактором прогресса в них признаются информационные технологии

и производство информации, особенно научной. В индустриальном обществе определяющую роль играло производство вещей. В постиндустриальном, информационном, обществе само создание вещей становится производным от создания информации, разнообразных знаков и текстов.

Но не следует игнорировать то, что первичным источником оригинальной информации, всех новаций в науке, искусстве, политике, религии, нравственности, праве остаются духовные усилия человека, направляемые его менталитетом. Технические устройства передают, размножают, комбинируют информацию, творимую человеком. Компьютерная информация, значение которой для функционирования общества неуклонно возрастает и которую часто именуют виртуальной реальностью, тоже имеет свой источник в ментальной сфере.

Важное место в нашей гипотезе занимает категория культуры как системы выраженных в знаках надбиологических программ человеческой активности. Поскольку менталитет детерминирует характер активности индивида или социальной группы, специфику, направленность этой активности, то он может быть истолкован как *ядро личностной и групповой культуры, как стратегическая культурная программа субъекта*. Изложенное позволяет предположить, что *одно из основных противоречие общества – социокультурное – принимает форму противоречия между менталитетом и социальными отношениями*. Любое общество существует до тех пор, пока ему удастся через напряженную воспроизводственную деятельность преодолеть или удерживать противоречие между менталитетом и социальными отношениями в границах, достаточных для интеграции этого общества.

В ходе развития общество неизбежно получает вызовы истории – факторы, ставящие его жизнь под угрозу. Как ответ на вызов зарождаются новые ментальные особенности. Мы ведем речь о *менталитете* творцов, а не об их *сознании*, поскольку именно менталитет в составе духовного мира субъекта (сознания и бессознательного) детерминирует направленность, оригинальность и новизну любой деятельности. Появление новых ментальных особенностей – результат культурного творчества. Социальные условия – фон, на котором осуществляется творчество. Осмысление социальных условий и прошлого опыта творцами приводит к возникнове-

нию новых культурных смыслов, которые могут возникать у представителей любых слоев общества, но основным их источником служит духовная элита. Чем масштабнее личность, тем большее влияние она оказывает на групповой менталитет. Особенно сильным в истории было влияние на менталитет со стороны творцов новых духовных учений – Будды, Конфуция, Христа, Мухаммеда, деятельность которых дала начало новым типам культуры. Сходные социальные условия могут породить и похожие культурные смыслы. Например, «золотое правило нравственности» почти одновременно появилось в нескольких зонах ойкумены.

Новая ментальная особенность – культурная новация – возникает вначале у отдельных лиц как ситуативное решение какой-либо актуальной для того времени социальной проблемы. Затем новация закрепляется, становится устойчивой, распространяется в социуме и постепенно становится компонентом группового менталитета. Становление индивидуальной ментальной особенности частью коллективного менталитета – сложный процесс. Он может включать в себя борьбу, временное непонимание, преследование творцов новых культурных смыслов и нередко сопровождается трагическим для них исходом. Новые компоненты менталитета выступают как новые формы культуры – программы деятельности в нравственной, политической, экономической, правовой, религиозной и научной сферах. *Менталитет же в целом служит глобальной программой человеческой активности.* Возникает противоречие между новыми ментальными особенностями, воплощающими вновь появившиеся формы культуры, и существующими социальными отношениями. Данное противоречие порождает особое состояние – конструктивную напряженность, по выражению Ахиезера. Оно преодолевается через соответствующую воспроизводственную деятельность коллективного субъекта.

Если эта деятельность конструктивна, она приводит к установлению более совершенных социальных отношений по сравнению с отношениями, существовавшими ранее. Общество благодаря этому поднимается на более высокую ступень развития. Важно подчеркнуть, что для установления новых социальных отношений необходимо, чтобы соответствующие им культурные смыслы стали устойчивыми компонентами массового менталитета. И в дальнейшем установившиеся социальные отношения будут относительно

стабильными, если станут поддерживаться воспроизводственной деятельностью масс, основывающейся на их менталитете. В свою очередь, старые компоненты менталитета, обладая социальной инерцией и консервативностью, могут тормозить становление новых социальных отношений. Таким образом, *менталитет имеет противоречивую природу и воплощает в себе дуальную оппозицию новации и традиции, он служит одновременно и импульсом социального прогресса, и фактором, сдерживающим чрезмерно быстрые и чрезмерно масштабные социальные изменения.*

При этом наблюдается различие между менталитетом творцов новых культурных смыслов и менталитетом масс. У творцов, составляющих духовную элиту общества, более выражен инновационный компонент по сравнению с традиционным компонентом, а в менталитете масс традиция преобладает над новацией.

Общество развивается устойчиво, пока между сторонами дуальной оппозиции – новацией и традицией – сохраняется своеобразный баланс. Излишняя новизна, например непродуманные поспешные реформы, может вызвать деструктивные процессы и последующий распад социума. Избыточный консерватизм также играет отрицательную роль, он приводит к застою, накоплению нерешенных проблем и вместе с ними деструктивных процессов, которые в конечном счете могут разрушить социум. История многих стран, в том числе и супердержав, может служить тому примером. Сегодня такие дисбалансы составляют угрозу для всей планетарной цивилизации (Тощенко 2011: 4).

Менталитет, как и весь духовный мир человека, имеет информационную природу, выполняя отражательную и регулирующую функции. Регулирование активности может быть направлено либо на сохранение существующих социальных отношений, либо на их изменение. В первом случае менталитет воспроизводит привычные образцы деятельности, во втором – создает новые программы. Соответственно регулирующая функция менталитета разделяется на две основные социокультурные функции: 1) поддержание преемственного существования общности и ее единства через устойчивость поведения и воспроизводственной деятельности входящих в нее членов; 2) стимулирование социальных системных изменений посредством постепенной смены ментальных особенностей общности – ее культурных приоритетов – через новые программы воспроизводст-

венной деятельности. В стабильных социальных условиях указанные социокультурные функции менталитета уравновешены.

Вторая функция менталитета изучена слабо. Во многих работах менталитет изображается как сугубо консервативный социокультурный феномен. Некоторые авторы вообще отрицают активную, продуцирующую социальный прогресс функцию менталитета. Так, М. Ю. Шеваков (1994: 20) пишет, что «функция менталитета в общественном сознании состоит в обеспечении механизма стабильности, а не механизмов изменения». Думается, что такая позиция в теоретическом отношении существенно обедняет понимание менталитета, а в методологическом отношении не способствует раскрытию причин социокультурной динамики.

Все признаки человека, в том числе и те, которые составляют его менталитет, имеют три источника детерминации: генотип, природную и социальную среду и собственную креативную деятельность субъекта по созданию новых культурных смыслов. При обсуждении вопроса о становлении и функционировании менталитета принимаются во внимание первые два источника, да и то не всегда. Между тем человек – единственное существо, обладающее способностью к самодетерминации, которая занимает особое место в формировании менталитета: именно благодаря ей зарождаются принципиально новые компоненты и менталитет может прогрессировать. Первые два детерминирующих фактора – генотип и среда – обуславливают сохранение и трансляцию менталитета, передачу ментальных особенностей от одних поколений к другим. Третий же фактор – творческая духовная активность – обуславливает развитие менталитета как качественное изменение и совершенствование.

Особым состоянием менталитет отличается в периоды социальных кризисов. В это время, во-первых, усиливается борьба между новацией, несомой одной частью социума, и традицией, представленной остальной его частью. Во-вторых, возникающие в период кризиса слишком быстрые и непредсказуемые изменения, а также многообразные деструктивные явления приводят к элиминации некоторых компонентов, которые не могут функционировать в условиях кризиса из-за их неадекватности. В то время как старые, неадекватные, ментальные особенности элиминируются, новые, адекватные, не успевают создаваться.

Возникающее в результате отмеченных процессов состояние может приводить к многочисленным формам девиантного поведения и острым психологическим и социальным кризисам. Докризисный менталитет, характерный для стабильного состояния социума, отличается целостностью, относительной устойчивостью, адекватностью социальным условиям – способностью интегрировать социум и направлять усилия его членов на конструктивную деятельность. Кризисный менталитет характеризуется отсутствием целостности, чрезмерной ситуативностью и изменчивостью, неспособностью обеспечивать единство социума и противостоять деструктивным социальным процессам. В кризисном менталитете значительно выражены чувства одиночества, страха перед неизвестным, растерянности. В ходе рефлексии и экзистенциального диалога по мере мобилизации духовных ресурсов человека и социальной группы страх может сменяться восторгом перед возможным новым, а растерянность – собранностью. Кризисный менталитет возникает, в частности, при быстром переходе от тоталитарного режима к демократическому.

Еще одна черта кризисного менталитета – обостренная противоречивость, расколотость. Противоречия могут иметь место и в докризисном менталитете. Раскол же означает наличие противоречия в самом ядре менталитета – в его ценностно-мотивационном компоненте. В современной групповой, да и в индивидуальной ментальности сосуществуют независимо друг от друга или остро конкурируют взаимоисключающие ценности, смыслы, идеалы, самым причудливым образом сочетаются старые и новые политические идеи, космополитические и националистические ориентации, республиканские и монархические ориентиры, религиозные и атеистические убеждения, трудовые и потребительские установки. Человек может быть интернационалистом и шовинистом одновременно. В одном случае выясняется его отношение к одной или двум проблемам и фиксируется, к примеру, тяготение к интернационалистским убеждениям. А по другой проблеме человек неожиданно демонстрирует националистические, шовинистические взгляды. Еще пример взаимоисключающих ментальных позиций – коммунист-предприниматель, относящийся к типу кентавров-личностей. Аутентичные коммунистические убеждения означают неприятие частной собственности, а предпринимательская дея-

тельность, напротив, основана на ней. Поскольку менталитет управляет активностью человека, то расколотость менталитета обуславливает непоследовательность и непредсказуемость поведения субъекта, что, в свою очередь, может приводить к социальной дезорганизации.

Расколотость менталитета, по-видимому, может быть объяснена с помощью понятия кентавризма. Он представлен совокупностью кентавр-идей – таких понятий и представлений, которые, во-первых, включают в себя логически несовместимые элементы и, во-вторых, характеризуются полным или частичным разрывом с реальностью. Кентавризм проявляется и в форме антиномий. Антиномии имеют место тогда, «когда господствуют в основном две взаимоисключающие точки зрения, но которые имеют под собой логическую основу и оправдание, обладающие корнями в реальных процессах общественной жизни» (Тощенко 2010: 15). В общественном сознании нашего общества и его менталитете антиномии обнаруживаются практически по всем вопросам социального, экономического, политического и культурного развития, представляя собой «яркий образец самых различных деформаций общественно-го сознания, феномен сочетания несочетаемого, объединяющего взаимоисключающие черты, которые рано или поздно приведут к их устранению из общественной жизни, а их носители перестанут влиять на происходящие процессы. Но это произойдет в результате серьезных общественных издержек и, возможно, социальных потрясений» (Он же 2011: 12).

Чтобы избежать потрясений, требуется интенсивный интеллектуальный поиск, способный привести к восстановлению целостности национального (общероссийского) менталитета. Для этого, в частности, необходимы эффективное прогнозирование и упреждающее созидание новых ментальных особенностей, адекватных прогнозируемой реальности.

Например, в нашей стране философы и обществоведы более двух десятилетий обсуждают возможности новой национальной идеи. Авторам статьи представляется перспективной мыслью о том, что в преддверии крутого перелома глобальной эволюции, ожидающегося на протяжении текущего столетия, национальную идею уместнее строить не на узкопатриотическом, а на космополитическом основании, поставив во главу угла обеспечение жизнеспособ-

ности земной цивилизации в XXI веке. Это способно не только вдохновить и консолидировать россиян, повысить привлекательность российской внешней политики за рубежом, но и обеспечить России такую же стабилизирующую роль в мировой геополитике, какую в XX веке сыграл Советский Союз (Назаретян 2014б).

* * *

Наша гипотеза функционирования менталитета – современный вариант концепций культурно-психологической детерминации развития общества. Она не альтернативна, а является дополнительной к концепциям экономического и информационно-технологического детерминизма, позволяя вместе с тем учитывать также географические и демографические факторы социальной причинности. Но при всем многообразии системных влияний решающей детерминантой социальных событий остается динамика ментальных процессов, порождающих новые формы воспроизводственной деятельности в экономике, политике, социальной и духовной сферах.

Литература

Акопов, Г. В., Рулина, Т. К., Привалова, В. М. 2006. Менталистика как историко-психологическое направление науки. *История отечественной и мировой психологической мысли: Постигая прошлое, понимать настоящее и предвидеть будущее*. М.: Институт психологии РАН, с. 453–455.

Айзенк, Х., Эванс, Д. 1997. *Энциклопедия психологических тестов: Коэффициент интеллектуальности вашего ребенка*. М.: АСТ.

Ахнезер, А. С. 1998. *Россия: критика исторического опыта*. Т. II. 2-е изд. Новосибирск: Сибирский хронограф.

Вебер, М. 1990. Протестантская этика и дух капитализма. В: Вебер, М., *Избранные произведения*. М.: Прогресс, с. 61–207.

Губанов, Н. И., Губанов, Н. Н.

2010. Особенности познавательной деятельности в социально-гуманитарных науках. *Философия и общество* 2: 90–104.

2013. Роль менталитета в преодолении антропогенных кризисов. *Историческая психология и социология истории* 6(1): 166–180.

Губанов, Н. Н.

2010. Образование и менталитет в составе движущих сил развития общества. *Социология образования* 1: 22–29.

2011. Формирование глобалистского менталитета и образование. *Социология образования* 6: 74–82.

2014а. Становление университетской традиции в эпоху Высокого Средневековья. *Социология образования* 1: 56–69.

2014б. Вызов Аполлона как стимул развития образования. *Alma mater (Вестник высшей школы)* 6: 19–23.

Лапаева, В. В. 2010. Российская философия права в контексте западной философско-правовой традиции. *Вопросы философии* 5: 3–14.

Лебедев, С. А., Лазарев, Ф. В. 2005. Проблема истины в социально-гуманитарных науках: Интервальный подход. *Вопросы философии* 10: 95–115.

Маркс, К. 1959. К критике политической экономии. В: Маркс, К., Энгельс, Ф., *Соч.* 2-е изд. Т. 13. М.: Госполитиздат, с. 1–167.

Назаретян, А. П.

2012. *Антропология насилия и культура самоорганизации. Очерки по эволюционно-исторической психологии.* 3-е изд. М.: ЛИБРОКОМ.

2014а. *Нелинейное будущее. Мегаистория, синергетика, культурная антропология и психология в глобальном прогнозировании.* 2-е изд. М.: Аргмак-Медиа.

2014б. «Национальная идея»: Россия в глобальных сценариях XXI века. *Историческая психология и социология истории* 7(1): 75–91.

Пелипенко, А. А., Яковенко, Г. И. 1998. *Культура как система.* М.: Языки русской культуры.

Петровский, А. В., Ярошевский, М. Г. 1998. Основы теоретической психологии. М.: ИНФРА-М.

Степашин, С. В. 2005. Образование вместо «образованщины». *Вестник РФО* 4: 115–124.

Тощенко, Ж. Т.

2010. Антиномия – новая характеристика общественного сознания в современной России. *Социс* 12: 3–18.

2011. Кентавр-идеи как деформация общественного сознания. *Социс* 12: 3–13.

Шеваков, М. Ю. 1994. *Менталитет: сущность и особенности функционирования:* автореф. дис. ... канд. филос. наук. Волгоград: ВолГУ.

Юревич, А. В. 2013. Базовые компоненты национального менталитета. *Вестник РАН* 83(12): 1083–1091.